

*И мне осталось — верить в снегопад,
Который начался подобно чуду,
Чтоб тихо падать сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду...*

Время покажет, насколько наше русское слово в состоянии удержать читателя. Сразу после Дня Славянской письменности самое время выяснить значение слов. Весной — предзимье — начало зимы, зимний морозный путь... Куда? Открываем книгу*.

Соединяя духовное и эстетическое, вчера и сегодня, природу и искусство, автор касается пути человека — в жизни, в искусстве, в прикладной деятельности. Усталые снега поэта давно определили жизненную стезю не как веселье, что было бы странно, а как грустную дорогу усталого после трудов праведных человека.

Книга собрана и частично создана в дни грусти о безвременно ушедшем сыне — отсюда и печальный общий тон сборника, легко объясняется и пессимистический рисунок книги.

Вот опять на дворе

беспобудного царства пора.

И на смену предзимью

приходит черёд первозимья.

Вечереет с утра,

и безмолвие бродит с утра,

Подпоясавшись рек и проток

остывающих синью.

Автор, употребляет инверсию, что лучше всего выдаёт сумятицу в чувствах, подкрепляя это и самооговором — первый лёд, первый снег до оскомины, право, скучны, «я не пёс, чтобы в свежих порошках валяться». Хотя мы знаем и непрменный атрибут поэта — мировую скорбь, и любовь нашего поэта к своей синеглазой лайке («Спи, мой друг, верна, голубоглаза./ Спи, моя святая простота».)

Но если верить слову изречённому — стихотворение написано давненько, и сегодня выбрано как подходящее для открывающего сборник. «Усталые снега» — не фигура речи, а состояние автора.

Особенности творчества Андрея Шацкова**, безусловно, включают умение использовать органично слова русского лексикона — мы редко их произносим сами, и благодарны за встречу с ним на бумаге, хотя и не отдаем себе отчета в этом.

Спи, мой друг, не веря Новогодью.

Жизнь прошла, остался маскарад.

По погостам расточившись плотью,

Близкие уходят в райский сад.

Провожая мир усталых снегов, поэт выдает себя сразу — он грустит по ушедшим с этими снегами светлым минутам, надеждам, ощущая вместе с тем обновление. «Ступеней

резных пьедестал» поднимает автора над тающими снегами пороши. «Уныние — грех, // утверждают наивные святцы», новая книга Шацкова как раз борется с этим христианским грехом, помогает и нам найти путь приятия посланного нам труда жизненного времени.

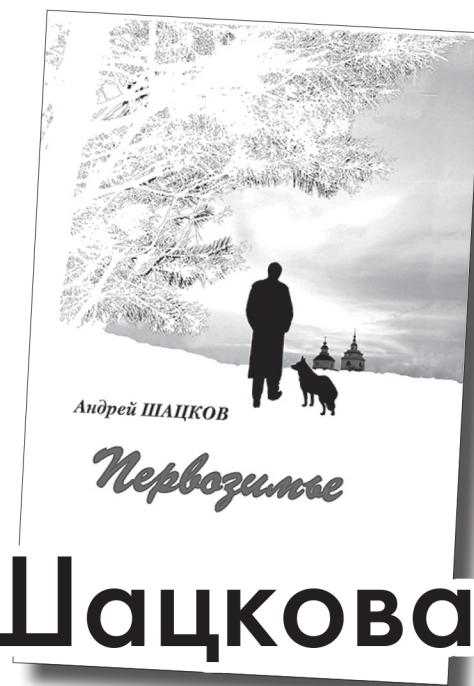
Тому миновало полвека...

Но только опять и опять

В озыбшей душе человека

С поленьями сани скрипят.

Снега Андрея Шацкова

И бабушка крестится снова,

Встречая под вечер обоз —

Предтечу Спасенья печного

В Рождественский лютый мороз!

Творить и любить — жизнь, людей, слово — Андрею Шацкову всегда было яснее в Рузе. («...Над прозрачной рекою Рузою — / Той, что в атласе мира нет»). Духовный оберег поэта, этот город ниспослал ему вдохновение, радость свободного проникновенного творчества и ощущение единства с природой, чистой и свежей. Именно там, в Рузе, поэт и осязает эти снега как символ — они ложатся (или обрушиваются) на землю, взвиваются, носимые ветром, тают, текут и — утекают весенними ручьями... Все ипостаси жизни, которые утром всегда выглядят лучше, чем в сумерках, как в стихах. Эти размышления подкрепляет перечень названий, выстроенный Шацковым — и нет никакого основания отрывать русское понимание устройства мира поэтом от щедрых россыпей русских слов.

Крещенский ноктюрн, У истоков Рузы, Реквием задержавшейся зиме, Канон марта, Дорожный диптих, Икос, Мартовский и Яблочный Спас, Вечерний июль, Лупинусы, Преображение, В другом измерении — милые патриархальные слова окунают нас в наше детство и в детство Руси. Уютно укутанные этими словесы, мы крепко держимся за вселенскую твердь, осеняем рукой заповедные цветы и надеемся на последний оплот великороссского глагола. Им выступает в данном случае открывающий горизонты новый сборник стихов «Первозимье».

Удачно сознаём, что кроме природы — собака верным другом вселяет оптимизм в мысли писателя. Она служит и неким мериллом авторского настроения. В знакомом автору — до боли — пейзаже Рузы, в снеговой ли коросте, в сиреневом ли неба прогале, читателю видны душевные метания — а без души поэзии нет. Верно говорят, сколь велики страдания — столь прекрасна и поэзия.

Костры погребальные, пусть и по отношению к листве, Жизнь водой сквозь пальцы протекла, ветер, плачущий навзрыд.

Тогда, когда настанут Покрова,

Взметнётся к небесам багровый пламень

Листвы, а невесомые слова

Падут на землю, обратившись в камень

Тяжёлых дум в преддверии зимы,

Уже наславшей лету злые кары:

И бесов легион, и стаи тьмы,

И первоснежья призрачные хмары.

К обедне снег растает, и земля —

В постыдной нагоде предстанет снова.

И медью зазвенят, не веселя,

Колокола Великого Покрова.

Как Судный день — бестрепетно суров

По Новому и Ветхому заветам,

Ты наступил, октябрьский Покров,

Предзимье предварив по всем приметам.

Эти слова, объясняя название сборника, мысленно уведут от благополучия обыденности к приподнятости зимнего настроения грусти, что по особому счету — суть.

Среди берёз, опавших поутру,

Последними октябрьскими листьями,

Я тоже упаду или умру,

А продолженье выбирайте сами!

И всё-таки автор оптимистично это стихотворение возводит к подъёму мысли.

На бранном поле Божьего суда,

Где всё решает мужество и вера,

Я знаю — остаётся реснота,

И исчезает прошлого химера.

Употребив старинные слов, автор показывает нам (и себе, конечно, свято веруя в добро), что наше достоинство исстари и есть реальная истина бытия. И нет тому противоречия в строке.

*Как жаль — не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.*

Словами «И вспыхнут разом тысячи свечей / По всем Святой Руси иконостасам!» автор подпитывает нас светом своей внутренней радости и уверенности в торжестве добра. Не зря поэт стихи сжигает как мосты, «погружаясь в зиму, словно в Лету».

И хотя строки «Земля моя! Приходит твой черёд! / Оставь врагу сомнения и страхи» в стихотворении о русском воинстве обращены к горящим в огне страны уделам, всё же кажется, что автор говорит и о себе — пессимистом его можно называть из-за того, что он — поэт. Сомнения прочь, автор любит жизнь, хотя она — не сказка. Но чаще об этом вспоминаешь, когда «под вечер навалится», да и повод для книги печальный, хотя Андрей Первозванный всегда подставит плечо.

Надо жить, а как без света жить?

Темнота копится за порогом.

Камень бел-горюч во мгле лежит.

Без призора брошенный Сварогом.

Это твой последний берег.

Твой последний луч дневного света...

Холода... Россия... Первый снег...

Исповедь печальная поэта.

Поэтическая грусть свойственна поэтам, и оптимизма в ней вполне довольно.

Говоривший не раз о социальной значимости поэзии, Андрей Шацков не может не думать о своём вкладе в народную сокровищницу слова. Безусловно, у Шацкова-автора есть характер, делающий его духовно свободным поэтом, заметным не только своим общественным темпераментом, но и — на поле русской поэзии — своеобразным словом. Прекрасное неприятие упрощения русского языка даёт современной поэзии новый крепкий сборник хороших стихов.

Мария ИНГЕ-ВЕЧТОМОВА.

Петербург.

* Андрей Шацков. Первозимье. Новая книга стихов. Изд. «Вест-Консалтинг».

** Житель рязанского городка Шацка — это если по этимологии фамилии, но Шацков — житель страны Поэзия.